

ББК 63.3 (2) 531

Е. В. Тарасова

Вопрос о нормах киргизского землепользования в политике Российской империи в Степном крае и Туркестане (конец XIX — начало XX в.)*

E. V. Tarasova

The Question about the Provisions Concerning Kirghiz Land Tenure in the Politics of the Russian Empire in the Steppe Region and Turkestan (End of the XIX — Beginning of the XX Century)

На основе широкого круга исторических источников (включая материалы Российского государственного исторического архива) рассматривается взаимодействие органов управления по формированию норм киргизского землепользования и выделению земельных участков для переселенцев, раскрывается роль земельного вопроса в национальной политике в Степном крае и Туркестанском генерал-губернаторстве на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, Туркестан, национальная политика, нормы землепользования, переселенческие участки.

В последней трети XIX в. масштабная, хаотически нарастающая крестьянская миграция из европейской части России в Сибирь и азиатские окраины стала фактором, усилившим внимание органов власти к вопросам киргизского землепользования. Сооружение Сибирской железной дороги способствовало значительному увеличению количества переселенцев и росту актуальности вопроса о наделении их землей. Переселение в Степной край и Туркестан русских крестьян, повышение в этих территориях численности и доли русского населения рассматривалось как важный элемент колонизационной политики. В целом, как отмечали А. В. Ремнев и П. И. Савельев, «колонизация в пореформенный период имела почти исключительно аграрный характер и вообще аграрное развитие (в отличие от европейских процессов) сохраняло самостоятельное значение» [1, с. 7]. Именно поэтому, по мнению В. С. Дякина, на рубеже XIX–XX вв. «для значительной части народов чрезвычайно актуальным был земельный вопрос, либо как защита своих земель от русской колонизации (народы Казахстана и Средней Азии, якуты, буряты и др.), либо как борьба крестьян за землю против помещиков» [2, с. 36].

Степное положение предусматривало возможность принудительного изъятия у кочевников земель, счи-

Basing on wide range of historical sources including data from the Russian State Historical Archive the research considers cooperation of the authorities in forming the Kirghiz land tenure and in providing the migrants with the plots of the land. The article reveals the role of the land problem in the national politics in the Steppe Region and Turkestan General-Governorate at the turn of the XIX–XX centuries.

Key words: Russian Empire, Turkestan, national politics, land tenure, migrants land plots.

тавшихся государственной собственностью и находившихся в бессрочном пользовании киргизов. Уже с 1896 г. началась работа по формированию методики расчета норм киргизского землепользования и выявлению «излишков» земель. Изначально в основу этой работы были положены представления о нерациональности использования огромных степных просторов кочевниками, низкой рентабельности кочевого животноводческого хозяйства и архаичности образа жизни киргизов. Однако первоначально государство признавало «необходимость земельного простора для кочевников в расчете на медленную эволюцию киргизского хозяйства в сторону оседлого быта» [3, с. 35].

В 1898 г. экспедиция под руководством земского статистика Ф. Щербины провела обследование Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей с целью определения норм киргизского землепользования и выявления излишков земель, годных под переселенческие участки. Экспедиция приняла за норму площадь угодий, необходимых для содержания 24 единиц скота. Вокруг этой цифры развернулась активная борьба: генерал-губернаторы и представители киргизов считали эти нормы недостаточными для кочевого хозяйства и ставили вопрос о его дальнейшей судьбе, а Главное управление землеустройства

* Исследование проведено в рамках проекта РГНФ № 12-01-00281 «Политика России в Центрально-Азиатских национальных окраинах (Степной край и Туркестанское генерал-губернаторство) в XIX — начале XX вв.».

и земледелия сочло рассчитанные нормы повышенными. Представители Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия сетовали, что «сторонники киргизского кочевого быта, игнорируя или находя малоубедительными приведенные основания, выдвигают в качестве возражения против колонизации степи неблагоприятные, будто бы, почвенные и климатические условия, традиционную привычку киргиз к скотоводству и невозможность, будто бы, перехода к земледелию» [4, с. 4].

Интереснейшим свидетельством этой борьбы стала «Записка киргизского народа по поводу отвода занимаемых им земель под устройство поселков для переселенцев», в которой неизвестный автор изложил сетования представителей казахов по поводу изъятия у них земель. Записка была доставлена в 1901 г. в Петербург в МВД лично Тургайским губернатором и стала поводом для оживленного обмена мнениями между МВД и Переселенческим управлением. Авторы записки вопрошали: «признает ли государство дальнейшее пребывание киргизского населения в его теперешнем кочевом состоянии удобным для высших государственно-экономических целей» [5, л. 148 об.] и высказывали надежду, что они, «как верноподданные Русского Государя, не окажутся пасынками общего для всех сынов России Отечества» [5, л. 156 об.]

Обсуждение вопроса об избыточных землях киргизского землепользования и обращении их в переселенческие участки способствовало активизации деятельности казачьих войск по легитимизации и защите их земельных прав, что нашло массовое отражение в документообороте канцелярий губернаторов, МВД и других структур [6]. Степной генерал-губернатор генерал-лейтенант Сухотин писал в 1903 г. заведующему Семипалатинской временной партией по заготовлению переселенческих участков: «Принимая во внимание, что на некоторых из проектируемых участков в пограничной полосе могут быть поселены и казаки, я покорнейше прошу, при выработке предположений по данному вопросу иметь в виду, что в Зайсанском уезде казачье население наделяется землей по расчету на душу 44 десятины степи непригодной к орошению и 6 дес. луга, причем каждая, способная к орошению, десятина засчитывается за 2 десятины неорошаемой земли и десятина луга тоже за 2 десятины» [7, л. 26].

Необходимо отметить, что генерал-губернаторы Степного края в изучаемый период негативно воспринимали активную деятельность по заготовке переселенческих участков на вверенных им территориях. Хранящиеся в Российском государственном историческом архиве материалы фонда Переселенческого управления содержат многочисленные свидетельства попыток региональных властей обратить процесс вспять или хотя бы снизить темпы деятельности по изъятию земель у кочевников. Обращаясь к ми-

нистру внутренних дел, степной генерал-губернатор Сухотин в 1904 г. писал: «Министерством Земледелия проявлена была тенденция к понижению земельного фонда, который мог быть предоставлен в пользование киргиз... в киргизских волостях отошли под переселенческие участки лучшие земли, с хорошей почвой, угодьями и водой, и на долю кочевников оставались, по преимуществу, урочища с маловыгодными природными условиями» [7, л. 36 об.]. Проведенные в феврале-марте 1905 г. совещания по вопросам, связанным с образованием переселенческих участков в областях, управляемых по Степному положению 25 марта 1891 г., рассмотрели спорные вопросы и оставили ситуацию без изменений [8].

Возникшие межведомственные разногласия, высокий общественный резонанс вопроса об излишках киргизского землепользования и воздействия изъятий земли на кочевое хозяйство стал причиной повторного исследования в 1905 г. Аракарагайской волости Кустанайского уезда Тургайской области. Обследование было проведено заведующим переселенческим делом в Тургайско-Уральском районе Цабелем по программе экспедиции Щербины. Авторы подготовленного по результатам обследования отчета уделили большое внимание влиянию земледелия на кочевников, степени их оседания, обоснованию прогрессивного воздействия переселенцев на киргизов-животноводов: «архаическая форма хозяйства заменяется новой, более интенсивной, и земельное богатство полнее используется» [4, с. 15]. Очевидно, что причиной столь активной аргументации в пользу изъятия излишков земель у кочевников стало «общераспространенное мнение, поддерживаемое иногда в печати и находящее горячих сторонников среди местной администрации, что отчуждение части земель под переселенческие участки неизбежно должно повлечь за собою и значительное сокращение скотоводства и неизбежное обеднение» [4, с. 8–9].

Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия исходило из убеждения, что «нельзя серьезно отстаивать неприкосновенность втуне лежащих земель и сохранение просторов: земля слишком дорога, слишком велика в ней нужда, чтобы можно было расточать земельные богатства» [4, с. 15–16]. Очевидно, что на высшем государственном уровне эту точку зрения разделяли. По мнению В. С. Дякина, Столыпинская реформа «стала побудительным толчком к “простым” решениям в казахских степях» [2, с. 56]. Массовая конфискация казахских земель проводилась под лозунгом перевода их от кочевого образа жизни к оседлому и сопровождалась рассуждениями о том, что власть переориентируется на интересы казахской бедноты, не имеющей скота.

Переселение в Туркестан было затруднено высокой плотностью населения в Ферганской долине и непригодностью большей части территорий к зем-

леделию без предварительной ирригации. Однако и там с 1887 г. проводилась работа по определению границ частных владений с целью выявления свободного земельного фонда. С 1903 г. началось организованное переселение в Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую области на казенные земли. Под влиянием волнений стихийных переселенцев в 1905 г. вблизи г. Верный Переселенческое управление начало передавать русским крестьянам обработанные и густонаселенные земли [2, с. 58]. Тем не менее, до Столыпинской земельной реформы масштабы переселения в Туркестан были незначительными.

В период третьеиюньской монархии центральным вопросом национальной политики в Казахстане и Средней Азии стала русская крестьянская колонизация. Возросло ее значение как инструмента снижения социальной напряженности в центральных губерниях России и способа быстрой русификации азиатских окраин. В «Обзоре мероприятий правительства по переселенческому делу за 5 лет существования 3-й Государственной Думы» изложено оптимистическое видение ситуации: «В обширных областях коренного Туркестана, где на пространстве 72 миллионов десятин затерялись в безбрежном инородческом море поселенные в прежнее время 60000 русских крестьян, с 1911 года открыты работы по заготовке земельного фонда для переселенцев, после того, как Правительству удалось в конце 1910 года провести через законодательные учреждения закон об использовании для целей переселения излишков землепользования кочевых инородцев Туркестана» [9, с. 6–7].

Большинство исследователей истории Российской империи оценивают политику правительства в зе-

мельном вопросе как основную причину обострения общественно-политической ситуации и межэтнических отношений в Степном крае и Туркестане на рубеже XIX–XX вв. Этому мнению, в частности, придерживается Андреас Каппелер: «Регионом, в котором разворачивались самые острые противоречия и столкновения между восточнославянскими переселенцами и степными кочевниками-мусульманами, стал в конце XIX в. северный степной Казахстан... Казахи-кочевники, все еще составлявшие свыше трех четвертей местного населения, видели в захвате переселенцами их бывших летних пастбищ угрозу для своего экономического существования» [10, с. 219].

Несколько позднее, уже в годы Первой мировой войны, обострение обстановки в Туркестане вылилось в восстание 1916 г. Призыв инородцев на тыловые работы трактовался как скрытый призыв на фронт, направленный на истребление населения Туркестана ради передачи их земель русским переселенцам [11, с. 306]. Активное освоение земель киргизских кочевников казной и русскими переселенцами в начале XX в. создавало весьма напряженную обстановку в крае. Именно кочевники-киргизы, которых последовательно вытесняли с их земель вплоть до начала войны, стали наиболее активной частью восставших.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. земельный вопрос стал центральным в национальной политике Российской империи в Степном крае и Туркестане. Несмотря на сопротивление генерал-губернаторов и протесты коренного населения, изъятие земель под переселенческие участки продолжалось, что привело впоследствии к обострению общественно-политической ситуации.

Библиографический список

1. Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века). — М., 1997.
2. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). — СПб., 1998.
3. Ямзи н И.Л., Вошинин В.И. Учение о колонизации и переселениях. — М. ; Л., 1926.
4. Влияние колонизации на киргизское хозяйство. Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. — СПб., 1907.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 391. — Оп. 2. Д. 600. Об изъятии земельных излишков от киргизского народа.
6. РГИА. — Ф. 391. — Оп. 3. — Д. 111.
7. РГИА. — Ф. 391. — Оп. 2. — Д. 1216: По вопросу об избыточных землях киргизского пользования, обращаемых в переселенческие участки. 1903–1904 гг.
8. РГИА. — Ф. 391. — Оп. 2. — Д. 1563: Совещания по вопросам, связанным с образованием переселенческих участков в областях, управляемых по Степному положению 25 марта 1891 г.
9. Обзор мероприятий Правительства по переселенческому делу за 5 лет существования 3-й Государственной думы. — СПб., 1912.
10. Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. — М., 2000.
11. Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). — М., 2004.